

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И СЕРБИЯ

А.Ю. Тимофеев

Институт новейшей истории Сербии (Белград). Философский факультет Белградского университета

На базе архивных источников и широкого спектра российской и сербской историографии автор анализирует сербско-русские официальные связи накануне и во время Февральской революции 1917 г. Для лучшего понимания природы изменений внешней политики России на Балканах в результате прихода к власти Временного правительства в статье рассмотрены планы Российской империи по послевоенному переустройству западной части Балканского полуострова, а также влияние на них других стран – союзников России по Первой мировой войне. Сербские официальные представители отмечали влияние Англии на переворот в России, хотя точных данных об этом и не приводили. Реакция официальных представителей Сербии на Февральскую революцию была различна. Дипломаты были более либеральны в оценках, сильнее критиковали павшую династию, выражали большой оптимизм. Военные были более осторожны, консервативны и отмечали рост негативных явлений. При этом все они были едины в соблюдении полного нейтралитета и невмешательства во внутренние дела России. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на коренной перелом, который Февральская революция произвела в послевоенном переустройстве Балканского полуострова, Сербия не смогла предвидеть этого заранее. Исключением явились лишь отдельные аналитические работы офицеров сербского генерального штаба.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., сербско-русские отношения, политика России на Балканах, Черноморские проливы, Босфор и Дарданеллы, Первая мировая война, Антанта, история дипломатии.

УДК 93/94

Поступила в редакцию 05.05.2017 г.

Принята к публикации 21.05.2017 г.

Россия была исключительно важной страной для судьбы сербского народа в годы Первой мировой войны, ставшие величайшим испытанием за всю его историю [2, 3, 4]. Сербская историография неоднократно обращалась к вопросу судьбоносного для России 1917 г., концентрируясь лишь на Октябрьской революции. О влиянии Февральской революции и Временного правительства на создание Югославии в югославской и сербской историографии было написано намного меньше. Существует два монографических исследования, которые частично (одной из глав) затрагивают эту тему [29, 40]: в одной из глав своей книги Д. Янкович рассмотрел влияние Февральской революции на подписание Корфской декларации. Л. Трговчевич в своей монографии кратко затронула деятельность миссии А. Белича и С. Станоевича в России накануне и во время революции. Но всё же самая детальная работа о влиянии Февральской революции на Сербию принадлежит перу одного из наиболее плодотворных сербских историков – Богумила Храбака [28].

В статье, написанной в 1978 г., Б. Храбак опирался на многочисленные донесения сербских чиновников и доверенных лиц о революции в России. Тем не менее, его работа имела ряд особенностей из-за вполне понятных обстоятельств: она возникла в рамках монопартийной системы жёсткой левой ориентации, но при этом в рамках беспрекословной парадигмы Югославии как логичного апофеоза многовековых стремлений всех южнославянских народов. Вследствие этих ограничивающих особенностей, несмотря на исчерпывающее использование сербской источниковой базы, в этом труде появились характерные пробелы. Крайне поверхностны высказывания Б. Храбака о германофильском характере последнего верного царю имперского министра иностранных дел Б.В. Штюмера, которого Временное правительство арестовало и довело до смерти негуманными условиями содержания в тюрьме. Б. Храбак развивал пропагандистский тезис о том, что Б.В. Штюмер предлагал Германии заключение сепаратного мира [28, с.9]. Реальное положение дел было противоположным. После публичного предложения императора Вильгельма о мире, Б.В. Штюмер выпустил циркуляр о невозможности для России принять любой мир без согласия всех союзников¹. Профессор истории Оксфордского университета Г.М. Катков очень детально и всеохватно доказал ложную природу слухов о попытках царя, царицы или Б.В. Штюмера подписать сепаратный мир [30]. Очевидна связь этих слухов с пропагандистской деятельностью врагов русского самодержавия из числа крупной русской буржуазии, сопричастной к государственному перевороту марта 1917 г. [25]. Для Б. Храбака, как, в принципе, и для абсолютного большинства историков того времени не только в СССР, но и в Югославии, Февральская революция была жёстко предопределённым событием, которое представляло собой увертюру к ещё более жёстко предопределённому событию – Октябрьской революции. Влияние народного недовольства, предопределённость поражения Временного правительства, политический та-

¹ Щеголев П.Е. Падение царского режима. Стенографические отчеты опросов и показаний. Ленинград, 1926, Т. 5. С. 189.

лант лидеров большевиков и остальные объективные причины неумолимо вели страну к Октябрю. Но события Февраля 1917 г. имели намного большую роль субъективного фактора, менее непосредственно зависели от народа, в большей степени носили характер государственного переворота. Кроме того, Февраль 1917 г. неоспоримо имел признаки заговора части элит при определённом иностранном влиянии. Эта субъективная составляющая Февральской революции осталась вне внимания Б. Храбака [9, 19, 23]. Осторожно и с неизбежным идеологическим камуфляжем в советской историографии, а затем уже открыто и последовательно в российской историографии была выдвинута гипотеза о важной роли субъективного фактора в февральских событиях 1917 г., т.е. неформального заговора крупной буржуазии, офицерской верхушки и политических авантюристов, связанных коррупцией и стремлением к личной выгоде [14, 15, 33]. Однако, в работе Б. Храбака даже понятное современникам событий значение вопроса о Константинополе (очевидно важного в контексте активного французского и британского поведения в Петрограде весной 1917 г., и не менее важного в контексте балканской политики императорской России) ускользало в жёстких рамках идеологической парадигмы [28, с. 9].

Несмотря на упомянутые вполне понятные особенности, статью Б. Храбака нужно воспринимать как переломную в контексте рассмотрения Русской революции 1917 г. в сербской историографии. Хотя схожие воззрения выражались в югославской литературе и до него [31, 32, 35, 36, 41], Б. Храбак впервые в академической науке Югославии (Сербии) пришёл к выводу о том, «что после краха царской России исчезла православная опора сербского правительства, а устами Милюкова стала и в России провозглашаться югославянская идея... Обобщённо говоря, в результате Февральской революции югославянская идея, как прогрессивная, выиграла, а идея великосербская (*т.е. идея национального освобождения и объединения сербов в рамках единого национального государства – АТ*), проиграла» [28, с. 51, 57]. Для времени, когда была написана работа Б. Храбака, эта констатация была очень откровенной и важной. После падения монопартийного режима и разрушения Югославии понятие «прогрессивного югославянства» потеряло свою аксиоматическую значимость, и естественно назрела необходимость детальнее рассмотреть точку бифуркации, выявленную Б. Храбаком и его предшественниками. Оценка значимости этой точки бифуркации, её важности и в то же время степени её объективной (субъективной) предрешённости, несомненно, должна повлиять и на оценку глобального влияния событий 1917 г. на исторические судьбы России и Сербии.

Для определения значимости Февральской революции для этих двух стран необходимо дать ответ на вопрос о том, какое будущее для Сербии по окончании Первой мировой войны предвидела императорская Россия до того, как была уничтожена февральским переворотом². Первые идеи о будущих террито-

² И не только предвидела, но и способствовала его установлению с самого начала Первой мировой войны. См. детальнее [39].

риальных изменениях границ сербского королевства возникли в связи с предложением англичан о подкупе Болгарии путём уступки ей «болгарской части» территорий Македонии, вошедшей в состав Сербии после Второй балканской войны. Существует русский документ, составленный в ответ на данное британское предложение. Это меморандум, который 20/7 января 1915 г. русский министр иностранных дел С.Д. Сазонов вручил английскому и французскому посланникам в Петрограде. В этом документе говорится об опасениях императорского МИД, что предложение Грея не удовлетворит ни одну из сторон. И действительно, именно так всё и случилось, о чём русский посланник в Сербии князь Г.Н. Трубецкой, 21/8 января 1915 г. сообщил в МИД: «Сербское правительство выразило неготовность оказать совсем определённые уступки в обмен на туманные обещания»³.

Ещё более интересным документом является дипломатическая депеша № 9, высланная С.Д. Сазонову князем Г.Н. Трубецким 26/13 января 1915 г. Целью депешы было ознакомление министра с вопросами будущего территориального переустройства на Балканах. Фактически она была комментарием русского посланника к предложениям Э. Грея о территориальных переменах на Балканах, которые британский дипломат рекомендовал выдвигать как совместное предложение сил Антанты – Англии, Франции и России. Посланник Трубецкой попытался выяснить, как сербская сторона смотрит на послевоенное переустройство Балкан, для чего вступил в контакт не только с сербским правительством, но и с крупнейшими учёными Сербии, ведущими экспертами по Балканам Й. Цвиичем и С. Новаковичем. В результате он пришёл к выводу, что сербы с трудом представляют себе будущее Западных Балкан, хотя и надеются на объединение всех населённых сербами земель в едином государстве⁴. Отношения Сербии с Веной были испорчены со времен Майского переворота, но всё же войны всерьёз не ожидали [37, с. 36, 43, 46]. Ультиматум, а затем и объявление войны летом 1914 г. было последним, чего желало бы королевство после двух тяжёлых Балканских войн и албанского восстания 1913 г. Поэтому в сербской интеллектуальной и политической элите сравнительно мало задумывались о том, каким будет послевоенное государство южных славян. Поиск более точного ответа на этот вопрос занялись лишь после начала боевых действий, когда остро встала необходимость определения целей войны. Трубецкой заметил и ещё один факт: война отделила жителей Сербии от сербов с другой стороны Дуная, Савы и Дрины, и в ещё большей мере – от остальных южных славян. Политика сеянья раздоров была классикой стратегии Вены: она активно использовала славянские части в борьбе против Сербии, чтобы закрепить и усилить раздоры между славянами [34, с. 106-107]. Анализируя сложившуюся ситуацию,

³ Этот меморандум цитируется в телеграмме, которую министр иностранных дел С.Д. Сазонов послал дипломатическим представителям России в Лондоне (А.К. Бенкендорфу), в Париже (А.П. Извольскому) и в Белграде (Г.Н. Трубецкому). См.: Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг.: Серия 3: 1914-1917. Т. 7. Ч. 1. М.–Л. С. 66–67.

⁴ Там же, с.112.

Трубецкой пришёл к выводу о том, что невозможно предусмотреть, приведёт ли победоносный исход войны к присоединению всех южнославянских территорий к Сербии, или произойдёт создание нескольких небольших государств. По словам русского дипломата, Никола Пашич уже в начале войны был готов на большие уступки хорватам для получения их симпатий и послевоенного объединения усилий. При этом в 1915 г. Белград считал, что после войны все бывшие австрийские территории с доминирующим православным южнославянским населением, должны быть присоединены к Сербии с тем же статусом, что и её предвоенные территории. Остальные южнославянские территории также рассматривались как потенциальное территориальное приобретение, но с особым статусом: в случае с Хорватией, вероятно, в форме некой автономии. Уже тогда у сербского руководства и ряда ведущих экспертов существовало определённое (хотя и крайне расплывчатое) представление о глубине религиозных и культурных различий между римско-католической и православной частями южнославянских подданных Австро-Венгрии. Сегодня крайне прозорливыми могут выглядеть слова князя Трубецкого, который предсказывал возможность будущего развития сербско-хорватских отношений в случае объединения по образцу русско-польских отношений в составе единого государства⁵.

К донесению Трубецкого была приложена карта предполагаемого послевоенного территориального переустройства Балкан, которую составил известный сербский этнограф и политический эксперт Й. Цвиич. Кроме объединения Сербии и Черногории в рамках предвоенных границ, на ней были обозначены северные и западные границы проживания южных славян в рамках Австрии, а также грубая линия разделения этих территорий на римско-католическую и православную части. По направлению к Италии и Румынии обозначены «спорные» территории, от которых можно отказаться в ходе послевоенной торговли и переговоров. Разумеется, определённая иерархия приоритетов существовала и внутри безусловной линии приоритетов (карта Й. Цвиича включала Целевец, Печуй, Баю, Темишоар и Карашов). Похожая карта позднее служила как пропагандистское средство сербской делегации на переговорах о мире в Париже в 1919–1920 гг. Несомненно, предоставив свою карту русскому посланнику, Цвиич преследовал всё те же пропагандистские интересы. Впрочем, сам Г.Н. Трубецкой не очень верил обещанной «строгой научности» данных Цвиича и в своём донесении назвал его «официальным закройщиком сербского правительства»⁶. Неверие в перспективы сербо-хорватского сожительства внесло свой вклад в общий букет факторов, обеспечивших согласие России на Лондонский договор апреля 1915 г. Этот договор был секретным соглашением между Италией и странами Антанты и касался послевоенного переустройства северной Адриатики, определяя условия вступления Италии в Первую мировую войну. Среди проче-

⁵ Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг.: Серия 3: 1914-1917. Т. 7., ч. 1. М.–Л., С. 114.

⁶ Там же, с. 112.

го, территории нынешней Хорватии и Словении, по этому договору, были разделены между Италией с одной стороны и Сербией и Черногорией – с другой (которые получали Южную Далмацию вплоть до Сплита и Дубровника).

После эвакуации Сербии в 1915 г. и начала череды сокрушительных поражений на фронте и в то же время резкого ослабления Австро-Венгрии русская дипломатия должна была вновь обратиться к вопросу о будущем южнославянских подданных Габсбургов. Год 1916 стал трагическим периодом в истории Сербии, когда территория страны была оккупирована, а остатки армии и политической элиты, не сложив оружия, отступили на юг Балканского полуострова и продолжили борьбу за свободу и независимость своего народа. В то время Италия стремилась пролоббировать сохранение независимости Черногории, что вызывало обеспокоенность Н. Пашича. Он пытался объяснить официально Петрограду неестественность и вредность для интересов России на Балканах сложившейся ситуации (два государства одного народа), которую после окончания войны предстояло решить воссоединением [16]. Для разрешения этого и других вопросов сербской внешней политики в Россию отбыла научно-пропагандистская миссия А. Белича и С. Станоевича [40].

Ведущий специалист по Балканам Политического департамента МИД императорской России А.М. Петряев составил в это время крайне подробную аналитическую справку о русских интересах в проектах территориального переустройства провинций империи Габсбургов после победоносного окончания войны. А.М. Петряев считал, что «возникновение Единой Великой Сербии или Сербо-Хорватского Государства было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах, конечно, стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась. Сильное славянское царство с 14 млн жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, интересы коего нигде не сталкиваются с российскими, было бы конечно, весьма желательным элементом нашей будущей западноевропейской политики»⁷. Однако в то же время А.М. Петряев обратил внимание на очевидные проблемы на пути осуществления этого плана – «Англия и Франция, по высшим политическим соображениям, не будут поддерживать Велико-Сербских планов и способствовать образованию на берегах Адриатики большого Славянского государства, тяготеющего к России». С другой стороны, на пути создания государства южных славян русский дипломат видел проблемы в случае насильственного присоединения территорий, населённых хорватами, которых невозможно будет безболезненно ассимилировать в Сербии в силу многочисленности, различий в вере и культуре. В будущем А.М. Петряев предвидел и возможность потенциального конфликта с Италией, с которой придётся бороться не только за Триест и Истрию, но и за большую часть Далмации. Оценивая в этом контексте соотношение сил, А.М. Петряев считал, что заключение с Италией соглашения по разделу Адриатического побережья будет полезно Сербии, так как предотвратит неизбежный

⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 5270. Л.17.

в противном случае конфликт между ними, а также вмешательство Италии в сербо-хорватские раздоры⁸. Позиция А.М. Петряева, ставшего в 1917 г. при Временном правительстве товарищем министра иностранных дел, соответствовала позиции императорской дипломатии, далёкой от консервативных взглядов. Мнение о том, что за Австрией стоит сохранить влияние на часть католического славянского мира, в ещё больше мере находило поддержку у Б.В. Штюрмера и А.Д. Протопопова в последние месяцы существования императорской России. По мнению начальника сербского корпуса генерала М. Живковича, русские консервативные круги воспринимали Югославянский комитет и окружение Т.Г. Масарика⁹ как «влияние Запада»¹⁰.

Несмотря на пессимизм по вопросу о возможности создания крупного южнославянского государства на западе Балканского полуострова, Петряев придерживался мнения о том, что в случае реализации такого проекта стоит думать о соглашении как с хорватами, так и со словенцами. В 1915 г. сербскому посланнику М. Спалайковичу в Петрограде было предложено рассмотреть включение в сербские планы послевоенного объединения не только хорватов, но и словенцев¹¹. Уже в феврале 1917 г. А.М. Петряев высказывал мнение о том, что Сербия по окончании войны должна будет удовлетворить хорватов, предоставив Сабор и широкую автономию, не угрожая при этом государственному единству. Петряев также предлагал, чтобы территории со словенским населением вошли в состав расширенного государства после удовлетворения возможных итальянских и австрийских претензий. В то же время черногорский вопрос рассматривался в качестве части сербского вопроса (в контексте уверенности имперской дипломатии в том, что второе сербское государство более не соответствует ни русским, ни сербским интересам). Русская дипломатия официально выражала эту позицию как дипломатам Сербии, так и Черногории ещё с июня 1915 г., когда было прямо заявлено: «...будет ли Россию в дальнейшем занимать король черногорский, зависит лишь от того, насколько этого пожелает Сербия»¹².

Подходом царских дипломатов к освобождению южнославянских народов от австрийского владычества, прежде всего, в контексте объединения сербского народа было довольно и сербское правительство. Реакцией на позицию царского МИД было мнение Н. Пашича, выраженное им 24 февраля 1915 г.: «Отмеченные границы стоит рассматривать как окончательные для уступок, и это, конечно, минимум, но разумеется, что мы будем, конечно, требовать целую

⁸ Эти предположения оказались провидческими, т.к. разъярённая потерей Далмации Италия в период между мировыми войнами стала не только претендовать на Хорватское приморье, но и поддерживать ирредентистские настроения среди хорватов, черногорцев и албанцев, превратившись на время существования Югославии в главного врага Белграда. До 1914, в 1941-1944 и после 1991 г. отношение к сербам со стороны итальянцев было лучше, чем со стороны большинства соседей сербского государства.

⁹ Чешское видение противостояния между Й. Дирихом (1847-1927) и Т. Масариком (1850—1937) реконструировано Е.Ф.Фирсовым [22].

¹⁰ Эту картину крайне пластично, хотя и с позиции традиционной ненависти к хорватам-франковцам описал командир сербского добровольческого корпуса М.Живкович (Војни архив – ВА. П.16. К.44. Ф.1. Д.12. С. 203-205).

¹¹ Архив Југославије (АЈ). Ф.80. Ф. 2. С.466-468.

¹² Там же. С.710.

Словению. Что касается местной автономии, мы, конечно же, с ней согласимся, если на этом будут настаивать, но не угрожая при этом целостности сербского государства»¹³.

Интересно, что в дальнейших переговорах российская сторона настаивала на том, что сербская программа не должна «представлять завоевательную политику на славянском юге», а должна воплощать «стремление к осуществлению общих идеалов и интересов, которое делало Сербию обязанной не допустить того, чтобы часть Хорватии и Словении осталась под властью иноземцев»¹⁴.

Точку зрения МИД царской России на объединение южных славян в рамках единого государства, как лучшего пути решения сербского национального вопроса, разделяла и русская экспертная среда. Взгляды на южнославянский вопрос, выраженные А.М. Петряевым (1875–1933), опытным дипломатом, владевшим четырнадцатью языками, с дипломом восточного и юридического факультетов Санкт-Петербургского университета, совпадали со взглядами одного из ведущих русских специалистов по истории южных и западных славян Н.В. Ястребова (1869–1923). Профессор Петербургского университета Н.В. Ястребов написал и опубликовал объёмное монографическое исследование с говорящим названием «Великая Сербия» [24]. В этом труде речь шла о невозможности самостоятельного выживания маленького сербского государства, ибо оно станет игрушкой в руках центральноевропейских государств, и о необходимости объединения всех сербов, хорватов и словенцев в одно общее государство, основанное на взаимном уважении меньших народов при естественном верховенстве крупнейшего – сербского народа, который должен будет обеспечить в рамках будущего государства полную культурную автономию и местное самоуправление. В заключительной части своего исследования профессор Н.В. Ястребов сделал вывод, что «не только осуществление идеала Великой Сербии, но и существование современной малой Сербии обеспечивается, главным образом, мощью и помощью России» [24, с.172].

И всё-таки во внешнеполитических институтах российской империи имелись определённые препятствия на пути осуществления вышеупомянутых планов. Речь шла о значительной разделённости русской общественности, включая части политической и правительственной элиты, на группы в соответствии с их «внешнеполитической» ориентацией: либералы были ориентированы «проанглийски», а консерваторы «пронемецки». Первые стремились построить русскую внешнюю политику в рамках удовлетворения британских интересов. Вторые, несмотря на войну, стремились, чтобы после войны не дошло до чрезмерного ослабления и обрушения германского влияния, видя в русско-немецких связях традиционный залог стабильного консервативного устройства в Центральной и Восточной Европе. С.Д. Сазонов, руководивший русской политикой в 1910–1916 гг.,

¹³ Там же. С. 469.

¹⁴ Там же. С. 472.

относился к числу пробританских политиков¹⁵. Стоя на соответствующих последовательных позициях, он был убеждён, что согласия Англии необходимо добиваться для всех русских планов на Балканах¹⁶. Такое мнение в ещё большей степени было присуще представителям передового отряда думской оппозиции – партии кадетов и в особенности её лидеру П.Н. Милюкову, ещё более безоговорочно ориентированным на Англию [38].

В 1914 и 1915 гг. (как и в случае с юго-восточной Македонией по вопросу о сербо-болгарском разграничении или с северо-восточным Банатом по вопросу о сербо-румынском разграничении) вопросы о будущем южных славян решались в рамках согласования с другими потенциальными союзниками Антанты в регионе, включая уступки насчёт послевоенных границ будущего государства с центром в Белграде, объясняя уступки будущих зон влияния сербского правительства укреплением его нынешних позиций¹⁷. И всё-таки, несмотря на все эти колебания по вопросу о рубежах сербских послевоенных границ, внешняя политика консервативной элиты царской России (её правящего класса) была благосклонна к интересам восстановления сербской государственности и к идее объединения в её рамках всего сербского народа. Либерализация внешней политики России привела бы, по мнению дипломатических представителей Белграда, к ослаблению русской поддержки сербским внешнеполитическим интересам. За два года до революции (в августе 1915 г.) сербский посланник М. Спалайкович писал: «...в случае победы течения, ориентированного на парламентаризм, к власти пришли бы элементы вроде Милюкова, с его сербофобскими настроениями и влиянием на внешнюю политику»¹⁸.

Проблема Константинополя, или как его официально до окончания Первой мировой войны называли сербы и болгары – Царьграда, фактически была ключевой для балканского направления российских дипломатических усилий в Первой мировой войне, а может быть, и вообще для всей русской внешней политики эпохи мирового конфликта. По отношению к этой проблеме вопросы будущей принадлежности словенского, хорватского и сербского побережья Адриатики и будущего государственного устройства Западных Балкан, несомненно, имели в глазах Петербурга вторичное значение. В отличие от проектов границ южнославянских государств, проблема будущего Черноморских проливов имела для России исключительное экономическое и идеологическое значение. По мнению главы императорского МИД, выраженному в беседе с сербскими дипломатами в 1915 г., «официальная русская политика вся была посвящена решению вопроса о Дарданеллах, для решения которого можно было уступить в адриатическом

¹⁵ В донесении от 4 апреля 1917 г. капитан де Малейси из французской военной разведки с очевидным преувеличением даже назвал С.Д. Сазонова «английским агентом». – См.: Соловьёв О. Ф. Революция глазами Второго бюро (донесения сотрудников французской разведки капитана де Малейси и генерала Нисселя) // Свободная мысль. 1997, №9.

¹⁶ АЖ. Ф.80. Ф. 2. С. 466.

¹⁷ АЖ. Ф.80. Ф. 2. С. 392.

¹⁸ Там же. С. 480.

и югославском вопросе (... в контексте Истрии и большей части Далмации)»¹⁹. Русская царская дипломатия уже в июне 1915 г. занялась разработкой послевоенного статута для Царьграда и даже персональными кадровыми решениями для будущей русской администрации в освобождённой столице православного мира: например, русского посланника в Белграде Г.Н. Трубецкого планировали назначить гражданским комиссаром города, а директора Русского археологического института в Константинополе Ф.И. Успенского – главным куратором архивных фондов²⁰.

Эту эйфорию прервал последовательный отказ руководства российской армии готовить десантную операцию по занятию Проливов в 1915 г. [10]. Трудно сказать, шла ли в этом случае речь о реальной неготовности (неспособности), о типичной для последних лет существования российской императорской армии осторожности в планировании [13] или о каких-то более глубоких причинах – ведь власть императора, который во главе русской армии вошёл бы в Царьград, было бы невозможно ограничить (а офицерская верхушка во главе с генералом М.В. Алексеевым активно участвовала в подготовке и осуществлении февральского переворота полтора года спустя после неосуществлённой экспедиции).

Вероятно, каждый из этих факторов сыграл свою роль. Важным обстоятельством стоит считать и то, что в том же 1915 г. Англия пыталась сделать всё, чтобы занять Дарданеллы в ходе ставшей знаменитой своей неудачностью и кровавостью Галлиполийской операции [11, 26]. Конечно, гектолитры крови англичан и жителей доминионов были пролиты вовсе не для того, чтобы передать Царьград России, а совсем по другим причинам. Интересно, что после британского поражения под Дарданеллами, русской победы на турецком фронте и падения Эрзерума генерал М.В. Алексеев поспешил выступить с предложением о подписании мира с Турцией, причём на условиях полного отказа России от освобождения Царьграда, называя русский контроль над проливами «чарующей иллюзией». Русская армия, согласно этому предложению, должна была бы перейти к войне с Германией и заставить её отвести войска от проливов, чтобы «Англия вздохнула свободнее, когда исчезнет опасность египетского похода и мусульманского движения». Россия была бы должна удовлетвориться в случае победоносного окончания войны восстановлением своих государственных границ и поражением Германии...²¹ Стоит при этом заметить, что императорское правительство почти с самого начала войны говорило о восстановлении польского государства (составленного из русской, австрийской и немецкой части), т.е. со стороны бывшей русско-немецкой границы территория империи должна была сократиться. По мнению, которое уже в 1915 г. высказал один из будущих архитекторов Февральской революции, Россия, потерявшая в войне боль-

¹⁹ Там же. С. 473.

²⁰ Там же. С. 708; Народна библиотека Србије (НБС). Ф. Смирнов. Воспоминания о Великом князе Константине Константиновиче. С. 2.

²¹ Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел, № 1 (декабрь). Петроград, 1917. С. 12-14.

ше человеческих жизней, чем какая-либо другая страна Антанты, должна была вести кровавую и многолетнюю битву за сохранение неполного *status quo ante bellum*. В прошлый раз, когда Россия отступила в дипломатическом плане после общенародных двухлетних военных усилий (1877-1878), даже после победы авторитет царской власти резко упал, а революционное движение усилилось. В этом контексте более достоверным выглядит и известное «покаянное письмо Милюкова», написанное им в августе 1917 г., где признаётся ответственность думских политиков (кадетов и прогрессистов) в «твёрдом решении воспользоваться войною для производства переворота»²².

Продвижение русской армии к Царьграду мешало не только оппозиционным думским политикам, но и «союзникам», т.е. в первую очередь Англии. Задолго до Первой мировой войны вопрос о принадлежности Царьграда вызывал столкновение английских и русских интересов на Балканах. Не углубляясь слишком далеко в прошлое этого конфликта, корни которого уходили ещё в XVIII в., в XX в, даже спустя несколько лет после окончания Первой мировой войны, американские разведчики считали британскую защиту Стамбула от русского господства основой традиционной политики Лондона в районе Проливов²³.

Уже в 1908 г. английское правительство заняло определённую и последовательную позицию по вопросу о любых попытках России получить эксклюзивное влияние на черноморские проливы²⁴. На Особом совещании по вопросу о черноморских проливах в присутствии руководителей дипломатического, армейского и военно-морского ведомств 8/21 февраля 1914 г. начальник Черноморского оперативного сектора Морского Генерального штаба императорской России А. В. Немитц заявил: «На пути к Проливам мы имеем серьёзных противников в лице не только Германии или Австрии. Как бы ни были успешны наши действия на западном фронте, они не дадут нам Проливов и Константинополя. Их могут занять чужие флоты и армии, пока будет происходить борьба на нашей западной границе ... мы должны именно одновременно с операциями на западном фронте занять военной силой Константинополь и Проливы, дабы создать к моменту мирных переговоров совершившийся факт нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о Проливах на тех условиях, на которых нам это необходимо»²⁵.

²² Сам политик отрицал своё авторство (см.: Милюков П. Н. Старый подлог // Последние новости. Париж, 1921, №454, 8 октября. С.2-3). Его современники в эмиграции посвятили доказательству достоверности письма несколько подробных исследований, см.: Лицо и изнанка // Возрождение. Париж, 1956, №56. С. 135-145); *Ефимовский Е.* Политический сфинкс // Возрождение. Париж, 1960, №102. С. 106-116; *Лодыженский А.А.* Воспоминания. Париж, 1984. В авторстве П. Н. Милюкова были уверены и многие советские историки [8, с. 288; 12, с. 37; 17, с. 249-250; 18, с. 153; 21, с. 582].

²³ См., например, детальные аналитические справки американской разведки, написанные в 1945 г., когда вопрос Проливов вновь встал актуальным: *The Soviet Union and the problem of the Turkish straits*, T-516, January 24, 1945 (CIA-RDP08C01297R000500030010-5), *The Great Britain and the problem of the Turkish straits*, T-517, January 24, 1945 (CIA-RDP08C01297R000500030009-7).

²⁴ Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел... С. 26-28.

²⁵ Из журнала Особого совещания 8 февраля 1914 г. // Вестник Народного комиссариата по иностранным делам. 1919, №1. С. 32—41.

Сразу же после начала войны (ещё до вступления в войну Турции и Болгарии) российские дипломаты начали размышлять о послевоенных целях, к которым стоит стремиться России в Первой мировой войне. Коррекцию границ на линии соприкосновения с Германией и Австрией (австрийская Галиция и немецкие части Польши) российский посланник в Белграде Г.Н. Трубецкой в письме к представителю России в Константинополе М.Н. Гирсу назвал «скорее выполнением неизбежного исторического долга, чем нашей прямой выгодой», отличая при этом интересы Польши по воссоединению с Завислинским краем от интересов России по получению контроля над устьем Немана. С другой стороны, в случае вступления Турции в войну, именно Проливы должны были стать ключевой целью, к которой Россия стремилась бы в войне, как компенсация за военные усилия и потери. При этом выражалась уверенность в том, что Англия будет оказывать сопротивление такому развитию ситуации, а минимизация этого сопротивления была отнесена к главным задачам²⁶. После вступления Турции в войну эти размышления и опасения приобрели особое значение, что было видно даже сторонним наблюдателям. Уже в феврале 1915 г. в разговоре с Г.Н. Трубецким о возможном нападении англичан на Стамбул сербский премьер Н. Пашич с озабоченностью заметил, что «занятие Константинополя одними нашими союзниками могло бы дать разрешению самой жизненной для нас задачи направление, которое не отвечало бы в той же мере правам и ожиданиям России»²⁷.

Это понимали и в России. Бывший в то время подполковником царского Генерального штаба А. К. Коленковский писал в 1930 г., что для Дарданелльской операции Англия выбрала и использовала удобный случай: не тогда, когда турки будут слабее всего, или когда Лондон сможет рассчитывать на помощь союзников, а тогда, когда все русские силы в начале 1915 г. будут заняты на Кавказском и Варшавском фронте, и России останется лишь одобрить английскую операцию в Проливах [11].

После окончания войны в мемуарах, которые А.В. Немитц писал уже будучи советским адмиралом, руководившим некоторое время в период Гражданской войны даже всем революционным флотом РСФСР, он с тех же позиций оценивал минувшую войну. «Для первого обмена мнениями по этому коренному вопросу между Генеральными штабами армии и флота и было собрано упомянутое «Особое совещание» под председательством министра иностранных дел С.Д. Сазонова. При этом директивой для его работы должна была служить уже одобренная царём означенная основная идея нового морского плана войны. Совещание выявило то, что инициаторы его предвидели вперёд: полное несоответствие армейского плана новому морскому. План Генерального штаба армии предусматривал наступление на западном фронте на Австрию и Германию

²⁶ Константинополь и проливы // По секретным документам б. Министерства иностранных дел. М., 1926. Кн. 1. С. 156.

²⁷ Там же. С. 383.

(вместо активной обороны). Лишь после разгрома Германии и Австрии можно было, по его плану, приступить к Константинопольской операции. План, выгодный для Франции и Англии, но пренебрегающий государственными интересами России и бездумный по отношению к её народам, которым предстояло в тяжёлых наступлениях отдать миллионы жизней (и гибельный для царской империи). Происшедший обмен мнениями не разубедил руководителей Генерального штаба армии, но и не обескуражил вполне сторонников нового, другого плана войны. Предстояла борьба мнений, в которой на нашей стороне была личная воля царя. Судьба, однако, решила против нас» [5].

Англия и Франция были против явного и официального признания прав России на Царьград и проливы до самого конца 1916 г.²⁸. При этом в секретных переговорах 12 марта 1915 г. Англия признала своё согласие с переходом Царьграда под контроль России, а 10 апреля 1915 г. с этим так же неофициально согласилась и Франция [27]. На Царьград, как на главную цель России в войне, смотрел и сам Николай II, который в Высочайшем манифесте от 12 декабря 1916 г. заявил, что «Достижение Россией созданных войной задач, обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех её ныне разрозненных областей ещё не обеспечено. Заключить ныне мир значило бы не использовать плодов Русских войск и флота».

При этом идея о том, что Россия должна будет получить на Балканах компенсацию за свои военные усилия и за два миллиона потерянных жизней, нимало не могла понравиться Англии. И пока в Лондоне работала королевская комиссия по исследованию причин поражения английской армии при Дарданеллах²⁹, в России активизировалась деятельность, направленная на смену политического режима в России.

Во время январской конференции 1917 г. в Петрограде представители Англии и Франции «выслушали все претензии представителей царского правительства — руководителей хозяйства, армии и флота. Они имели возможность посетить фронт и ознакомиться с состоянием армии, беседовали с лидерами русской буржуазной оппозиции и были в курсе всей работы, которую вели английское и французское посольства и Прогрессивный блок по организации государственного переворота. Их не особенно страшил рост недовольства внутри страны; приход к власти буржуазных лидеров им казался желательным. Русская армия в их глазах не потеряла своего значения в качестве важнейшего военного фактора в деле разгрома Германии» [19]. При этом союзная конференция 1917 г. в России подтвердила взятые на себя обязательства членов Антанты [6]. Сербское правительство узнало к 9/22 февраля 1917 г., что конференция закончила свою деятельность в Петрограде и делегаты отбыли в порт Романов (Мурманск).

²⁸ Щеголев П.Е. Падение царского режима. Стенографические отчеты опросов и показаний. Ленинград, 1926, Т. 5. С. 181-183.

²⁹ Комиссия приступила к работе в августе 1916 г., а официальный отчёт о своей работе составила в начале февраля 1917 г., см.: Officials of Royal Commissions of Inquiry 1870-1939 // Office-Holders in Modern Britain. London, 1995. V. 10. P. 85-88.

Работу ещё в течение двух дней продлил лишь особый комитет, который занимался будущим устройством Польши³⁰.

Спустя несколько дней, 15/28 февраля 1917 г. официальное периодическое издание сербского правительства в изгнании, выходившее в Греции под названием «Српске новине», опубликовало на первой странице пространную статью, посвящённую роли Проливов в русской внешней политике. «Вопрос Царьграда – это тысячелетний сон всей русской внешней политики, всей русской интеллектуальной жизни... Именно для этого Россия воевала с Турцией в XIX в., и для того, чтобы славяне приблизились к Царьграду, освобождала Болгарию, которая теперь вместе с Турцией сражается против России. — И старшие, и младшие славянофилы уже создали вокруг этого вопроса целую идеологию и целую социально-политическую систему. Реками проливалась русская кровь за этот идеал. Поэты и философы, учёные и государственные мужи, военные и политики писали об этом, каждый по-своему. В России об этом вопросе существует целая литература, и она существует издавна... Сегодня, когда враг для воплощения своего мегаломанского сна Берлин — Багдад, довёл ситуацию до нынешнего положения дел, вопрос сам собой встал и был включён в повестку дня. Союзники на своих конференциях, кроя будущую карту Европы, вернулись к этому вопросу и дали ему решение в смысле тысячелетних снов и в смысле жизненной потребности России»³¹. В том же номере, буквально после этой статьи, было опубликовано интервью с президентом Совета министров и главой МИД Сербии Николой Пашичем, где он кратко резюмировал своё видение будущего Сербии, которое он тесно связывал с Россией: «Для нас, сербов, это вопрос освобождения нашей страны, оставленной завоевателю, который творит насилия, ставшие известными. Идея Великой Сербии жива в сердцах всех сербов, и мы с нашими союзниками её осуществим»³².

Надежда на русскую помощь во всех сербских начинаниях была крайне распространена в сербском правительстве³³. Сербский посланник М. Спалайкович в телеграмме, направленной из Петрограда 25 февраля (10 марта), сообщил Н. Пашичу об аудиенции у императора Николая II княгини Елены Петровны (1884–1962), дочери короля Петра I Карагеоргиевича и супруги князя Иоанна Константиновича Романова (1886–1918). Он доложил о высоком уровне поддержки, которым Сербия пользовалась в России в эти последние дни накануне революции: «Царь хорошо настроен и прекрасно отзывался о нашем корпусе и генерале Живковиче, который пользуется всеобщим уважением и симпатиями. Престиж сербов у царя ещё больше укрепился, по сравнению с румынами, в которых царь полностью разочаровался ... Княгиня Елена всё больше превращается в символ кровной и политической связи между нашим народом и Росси-

³⁰ Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца: 1914-1918 г. Књ. 21, 1916 и 1917. година. Београд, 1931. С. 420-421, 425-426.

³¹ Русија и питање Цариграда // Српске новине. 1917, 28 фебруара.

³² Изјаве Н.Пашића // Там же.

³³ Велики рат Србије за ослобођење... С. 649.

ей. Тактичная и исключительно умная, она вершит свои обязанности наиболее полезным для нашего отечества способом»³⁴. Направление перемен в сербском вопросе в результате Февральской революции в России очень ясно описал в своём донесении Н. Пашичу от 6/19 марта 1917 г. сербский генеральный консул в Одессе М. Цемович. Он констатировал, что «...до вчерашнего дня, до переворота, сербская национальная идея имела наиболее искреннего защитника в лице царя Николая. Любовь, истинная любовь бывшего царя по отношению к Сербии и сербскому народу помогла, чтобы высшая бюрократия приняла идею Югославии. С падением царя и с ним старого бюрократического аппарата было разрушено в значительной мере то, что мы до тех пор делали и сделали в политических кругах старого режима. Отношение партий в Думе к нашему вопросу было разнообразным, но ни у одной группы не было довольно ясным и определённым»³⁵.

Окончательную перспективу развития ситуации в России не могли понять и оценить даже лучшие сербские дипломаты. Наиболее интересные оценки закулисной стороны событий в Петербурге давал в своём дневнике находившийся в далеком Лондоне сербский дипломат Й. Йованович-Пижон. Уже 1 марта 1917 г. он отметил в своём дневнике, что вся английская элита оценивает ситуацию в России, как крайне плохую, а спустя три дня, 4 марта, записал, как его английские собеседники хвалились тем, «что это они вызвали революцию в России и подготовили её. Мы несколько раз напоминали царю об опасности того, что германское (*т.е.* – *консервативное* - АТ) влияние слишком возросло, но он не слушал, и вот что с ним приключилось». Наконец, 6 марта 1917 г. Й. Йованович-Пижон отметил, что в основном «англичане довольны событиями в России», «везде говорят о том, что англичане и французы замешаны в революции»³⁶. Проведение предварительных консультаций с союзниками (прежде всего, с англичанами) – организаторами февральского переворота в позднейшей российской историографии нашло своих исследователей [19, с. 434], но сразу после самих событий это имело лишь академический интерес. Заметки Пижона об организации переворота в России давали лишь предположения, малоинтересные для оперативной политики. Свержение императора Николая II принесло политической элите Сербии взволнованность и обеспокоенность...

С самого начала 1917 г. стало очевидно, что в России назревает государственный переворот. Представители королевства Сербии в Петрограде оценивали происходившие события и изменения по-разному.

Отречение Николая II сербский военный атташе полковник Бранислав Лонткиевич пытался представить как обычную транзигцию власти от одного члена династии к другому, с введением конституции, но безо всяких значительных изменений. Вероятно, это была версия государственного переворота, которая

³⁴ Архив Сербии (АС), МИД, ПО. 1917. Ф. IX. Д. II. С. 84

³⁵ Там же. Д. III, С. 173–181.

³⁶ Јовановић-Пижон Ј. Дневник (1896-1920). Београд, 2015. С. 251-253.

циркулировала в высших офицерских кругах. Неслучайно в своём донесении от 28 февраля (13 марта) Б. Лонткиевич привёл ошибочную, но очень иллюстративную информацию: «Генерал Алексеев упорно советовал царю пойти на компромисс, но царь не согласился. Ставка не имеет связей с царём. В России и на фронте спокойно» [19, с. 603]. В донесении, составленном в полдень 1/14 марта, Б. Лонткиевич ещё называл революционеров «бунтовщиками»³⁷.

В вечернем донесении от 2/15 марта Б. Лонткиевич уже констатировал, что отречения царя требовали и политики из Думы, и начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев, и ряд других высокопоставленных офицеров³⁸. Наконец, лишь 3/16 марта 1917 г. Б. Лонткиевич доложил об отречении, как об окончательно свершившемся факте, а также сообщил о формировании нового правительства князя Львова и о назначении нового министра П.Н. Милюкова, который провозгласил войну до победного конца первой точкой своей программы. По оценке Б. Лонткиевича, февральские события в Петрограде были очень жестокими и кровавыми, «со множеством жертв»³⁹.

Глубину возникшей проблемы в полном объёме сербский военный атташе начал осознавать уже 4/17 марта, после отказа князя Михаила принять корону до решения Учредительного собрания: «Хотя в России на фронте и спокойно, всё же тяжело предвидеть проблемы, которые могут последовать. Вследствие того, что ещё не решён вопрос о монархе, могут начаться возмущения и на фронте. Вообще ситуация очень нервная, и если ещё на долгое время оставить полную власть Временному правительству, которое вводит самые широкие свободы, пока в стране ещё не организована самая необходимая власть, это может привести к ещё большему расстройству»⁴⁰. Сербский атташе отчаянно надеялся на сохранение в России монархии и в той же телеграмме он выражал надежды на то, что царь передумает и согласится, по совету императрицы–матери, на провозглашение престолонаследником Алексея, а также на назначение великого князя Николая Верховным главнокомандующим. И только в донесении от 5/18 марта Б. Лонткиевич констатировал, что «судьбой России будет руководить Временное правительство»⁴¹.

В последний раз сербский атташе был принят Николаем II 7/20 марта⁴². Эту встречу, состоявшуюся в рамках прощания императора с союзными военными агентами, Б. Лонткиевич описал весьма эмоционально, что было необычно для его донесений. «Я поблагодарил Царя за всё то, что он сделал для Сербии и сербской армии. Царь мне сказал, что всегда имел искренние симпатии к братскому сербскому народу; что надеется, что справедливость восторжествует и сербский народ осуществит свои идеалы. Он также сказал, что обстоятельства

³⁷ АС. МИД ПО. 1917. Ф. VIII. Д. IX. С. 922.

³⁸ Велики рат Србије за ослобођење ... С. 613.

³⁹ АС. МИД ПО. 1917. Ф. VIII. Д. IX. С. 923.

⁴⁰ Велики рат Србије за ослобођење... С. 692.

⁴¹ Там же. С. 705.

⁴² АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. II. С. 93.

таковы, что он счёл необходимым отречься от престола, желая, чтобы война дошла до победоносного конца. Попросил передать Е.К.Высочеству Престолонаследнику Его приветствия с надеждой на то, что Россия и союзники исполнят свой долг и свои обещания Сербии. Также интересовался и нашим корпусом и просил передать ему Его приветствия. Я ещё раз поблагодарил Царя, добавив, что сербский народ никогда не забудет 1914 г., когда русский Царь возвысил свой мощный голос в защиту Сербии. Поблагодарив меня за службу, Царь дал мне руку со словами: *‘Милостивый Бог пусть защитит Сербский народ’*⁴³. Через несколько часов после этой встречи на вечернем заседании Временного правительства 7/20 марта 1917 г. было принято решение «О лишении свободы отрѣкшегося императора Николая II и его супруги»⁴⁴. Наступил конец российской империи и династии Романовых, хотя этот факт в то время понимало весьма незначительное число людей [1].

Негативные последствия Февральской революции сербы почувствовали, прежде всего, в положении Сербского добровольческого корпуса. Командир корпуса М. Живкович писал: «...царь Николай, который был большим другом нашего народа и всегда оказывал знаки особого расположения Добровольческому корпусу, хотел, чтобы Корпус был сформирован как можно раньше. Желание Царя в то время было приказом, и чтобы только подольстится к нему русские генералы – я имею в виду, в первую очередь, генерала Маркса, начальника штаба Одесского военного округа – соревновались между собой в предупредительности и любезности к нам; после свержения Царя, они все сбросили напрочь свою личину, стали делать нам на каждом шагу пакости и стараться развалить Корпус»⁴⁵.

Помимо потери высочайшего покровителя командир Сербского добровольческого корпуса видел в революции общее основание к ослаблению боевого духа русской армии. По его мнению, русская армия в начале 1917 г. и по духу, и по вооружению была готова к решающему наступлению – и он, и все те, «кто знал и наблюдал всю эту подготовку», были глубоко уверены, что «русское наступление пробило бы немецкие ряды, как горный поток, и за короткое время сокрушило бы центральные державы. Война была бы завершена ещё в 1917 г., с другими результатами вообще и в особенности намного удачнее для нас... Всеми этому помешало наступление русской революции и в ещё большей мере ошибочное управление»⁴⁶. «Революция в Петрограде принесла много горя и мучений нашему братскому русскому народу, так как тем, что она была совершена в самое неподходящее время – в ходе войны – воспользовались наши враги»⁴⁷.

Дестабилизация русской армии после февральских событий разрушила все надежды на активное участие войск «новой демократической России» в успеш-

⁴³ Там же. С. 724.

⁴⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. Март-апрель 1917. М., 2001. С. 49-52.

⁴⁵ Военный архив Сербии (ВА). П.16. К.44. Ф.1. Д.12. С.51.

⁴⁶ Там же. С. 128--129.

⁴⁷ Там же. С. 136.

ном наступлении против немцев и их союзников, что стало очевидным Б. Лонткиевичу уже 21/8 марта 1917 г.⁴⁸. Генерал М. Живкович констатировал, что ни один новый состав русского правительств после отречения Николая II не имел никаких симпатий к Сербскому добровольческому корпусу, а сам корпус «со дня отречения был оставлен на милость» всевозможных врагов⁴⁹.

Представители сербской армии, несмотря на их несомненные симпатии к русскому императору, видели и негативные черты последнего Романова, считая, что ему не хватало энергии, что он слишком доверял своему окружению и надеялся на полицейских чиновников⁵⁰. Ни Б. Лонткиевич, ни П. Живкович не обратили в своих донесениях особого внимания ни на его арест, ни на арест членов его семьи. Представители сербской армии считали, что самодержавный режим был архаичен и должен был быть реформирован, однако не в условиях войны. В успехе Февральского переворота генерал М. Живкович винил самого царя (указывая на его слабость и доверчивость), а также кадетов и П.Н. Милюкова, а за его фатальные последствия – А.Ф. Керенского, как человека, который в беспринципной борьбе за власть растоптал всех, кто мог бы спасти страну, что и привело к захвату власти большевиками⁵¹. Крайне показательно, что несмотря на критическое отношение к абстрактным «русским генералам», которые после отречения императора невзлюбили корпус, русская военная верхушка даже не была упомянута в списке виновных или хотя бы соучастников Февральской революции 1917 г. Это тем более интересно, что вопрос об ответственности военной верхушки русской армии (и, прежде всего, генерала М.А.Алексеева) обсуждался позднее в рядах русской эмиграции⁵². Стремление переложить вину за нарушение присяги и организацию заговора во время войны на гражданских политиков или на солдат Петербургского гарнизона было типичным для военных лидеров Белого движения [7, 20]⁵³.

Гражданские представители сербского государства в Петрограде и, прежде всего, сам посланник Мирослав Спалайкович смотрели на Февральский государственный переворот с более либеральных позиций (с большей симпатией к политикам Думы). Уже в телеграмме от 4/17 января 1917 г. М. Спалайкович писал о возможных «внутренних проблемах в России» и о том, что Англия будет стараться влиять на то, чтобы «кризис разрешился правильно». Негативными красками сербский посланник рисовал лояльных императору людей из его ближайшего окружения (царицу Александру Фёдоровну и министра внутренних дел А.Ф. Протопова). Возможные перемены в верхах России он воспринимал как имеющие значение лишь для внутренних дел самой России, т.к. среди цар-

⁴⁸ Велики рат Србије за ослобођење... С. 727, 728, 743, 747, 755, 762, 785, 791, 792.

⁴⁹ ВА. П.16. К. 44. Ф. 1. Д. 12. С. 138, 149.

⁵⁰ Там же. С. 143, 145.

⁵¹ Там же. С. 147-149.

⁵² АС. Ф. НА. Д. 130. Письмо генерал-лейтенанта В.Е. Борисова о необходимости защитить генерала М.В. Алексеева от несправедливых обвинений в измене за отречение Николая II, 30.08.1939.

⁵³ См. также документальный фильм «Русский корпус. Свидетельства». Реж. Ордовский М. Л. Санкт-Петербург: Ростик фильм, 2014. 1 серия, 18:36-19:08.

ского окружения и либеральной оппозиции М. Спалайкович не видел «никакого различия, если речь идёт о Сербии»⁵⁴.

В рядах сербской элиты наиболее точный анализ ситуации дали аналитики, предложившие своё видение дел на основании доступной им открытой информации. В то время как многим сербским, русским, французским и румынским дипломатам и даже фронтовым офицерам революция казалась «окончательным поражением доселе мощного влияния сильной германщины ... с твёрдой верой в новое русское наступление»⁵⁵. Сербские офицеры военной разведки 3/16 марта на основании анализа болгарской печати выразили собственное понимание происходящих в России событий: «Россия якобы полностью занята своим “внутренним кризисом”, война отступила на второй план; общественное мнение якобы стремится к миру и полностью не одобряет решения правительства продолжить войну; правительство же держится в России только благодаря дипломатическому искусству Англии, которая дала своё согласие на воцарение русских в Царьграде с твёрдым убеждением, что этого никогда не будет». В то же время внутренняя ситуация в России характеризовалась как соперничество «трёх элементов»: «монархистов, которые заботятся о спасении династии», «либеральной России, которая выступает за войну до победы, но не по той причине, что верят в эту победу или считают необходимым продолжение войны, а потому, что надеются от Англии и Франции получить конституцию и парламентское управление»; «рабочее сословие, которое хочет мира, свободы и земли, не верит в победу и хочет мира, т.к. Россия не имеет достаточно сил, чтобы бороться против Германии». По мнению авторов данного донесения, «компромисс этих трёх сил в России выглядит невозможным...»⁵⁶. Впрочем, такая оценка ситуации воспринималась и в сербском Генеральном штабе, и в сербском правительстве как прогерманские воззрения и дефетизм.

Сербские военные и гражданские представители в России, как и большая часть Российской империи того времени, не сразу распознали невысокий уровень новых русских правителей и перспективы страны под их управлением. Военное руководство Сербского добровольческого корпуса, находившегося в командной цепочке российской императорской армии, было полностью лояльно февральской революции. Слухи о том, что какая-то сербская часть выразила желание выступить в поддержку царя, были незамедлительно опровергнуты как «злонамеренная клевета» заявлениями генерала М. Живковича и сербского посланника М. Спалайковича, отправленными на имя П.Н. Милюкова и М.В. Родзянко⁵⁷. В своём донесении от 3/16 марта генерал П. Живкович писал сербскому военному министру на Корфу и сербскому посланнику в Петрограде: «...по поводу русской революции я объявил по Корпусу, согласно приказам, что

⁵⁴ АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. IV. С. 315-316.

⁵⁵ Велики рат Србије за ослобођење... С. 697.

⁵⁶ Там же. С. 709.

⁵⁷ ВА. П. 16. К. 44. Ф. 1. Д.12. С. 155.

мы не имеем ни права, ни обязанности вмешиваться во внутренние дела братского нам русского народа, чьими гостями мы являемся»⁵⁸. Занимать ту же нейтральную позицию рекомендовал сербский посол М. Спалайкович уже в своей телеграмме от 4/7 января 1917 г.: «В этой неизвестности мы должны быть осторожны, сохранять симпатии всех местных политических течений ... Наше – это не вмешиваться в русские внутренние дела, и в этом смысле я непрестанно даю советы местным сербам»⁵⁹.

Официальная газета «Српске новине» 30 марта (12 апреля) опубликовала на первой странице редакционный обзор «Русская революция и её отклики». В этой статье были пропеты дифирамбы революции и провозглашена анафема «порушенному автократическому режиму, который германофилы сделали не-сносным», так как «волшебной палочкой были убиты все подземные чудовища, которые подрывали силы народного организма, омрачали его разум и влекли в пропасть», что дало сил на «гигантский удар народу, который разрушил гни-лую систему, сбросил назойливых наставников» и «отсёк отравленный орган»⁶⁰. Даже в феврале 1918 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки), находясь вне сферы досягаемости русских революционеров, М. Спалайкович без тени сомнений писал, что княгиня Елена Романова (Карагеоргиевич) должна остаться в Петрограде, «так как политически неудобно членам династии Романовых уезжать из России»⁶¹. Только в июне 1918 г. М. Спалайкович с исключительно активной помощью С.Н. Смирнова решил спасти дочь сербского короля от смерти в Алапаевске⁶².

Но всё это произошло только год спустя после событий весны 1917 г., когда лишь Николай II увидел «измену, подлость, обман» и предательство союзников. Сопровождавший его в ссылку офицер, закончивший свою жизнь в эмиграции в Сербии, вспоминал, как в августе 1917 г. оставленный своими генералами, церковью, народом и союзниками Николай Александрович Романов плыл со своей семьей в Тобольск на пароходе «Русь» навстречу смерти, тогда бывший русский царь очень рационально оценил нравы главных выгодополучателей февральских событий: «ни один народ в мире не обладает способностью принять Вас с таким радушием и гостеприимством, и вне всякой зависимости от этого радушия, и я бы сказал, в полной противоположности с таким приёмом, устроить свои государственные дела, как англичане»⁶³.

Подводные камни, механизмы и последствия Февральской революции в России вообще и во внешней политике на Балканах в частности, не могли быть полностью понятны сербским дипломатам весной 1917 г. Впрочем, оптимизм, граничащий с беззаботностью, после Февральской революции проявили не

⁵⁸ Там же. С.158.

⁵⁹ АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. IV. С. 315-316.

⁶⁰ Руски «Совјет». Господарство Немаца. // Српске новине. 1917, 4 ноября. С. 1.

⁶¹ АС. МИД. Пс. П-ПО. Ф. I. Р. 32/1918.

⁶² Протокол допроса С. Н. Смирнова, 16 марта 1922 г., Соколов Н.А.. *Предварительное следствие 1919—1922 гг.: Сборник материалов*, Сост. Л.А.Лыкова, М., 1998. С. 337—346.

⁶³ Народна библиотека Србије (НБС). Р. 699/IV/5. Немчинов С.М. Записки. 3-14 августа 1917. Т.1. Император Николай II об Англии и Америке. С. 3.

только балканские вассалы царской России, но и сами институты Империи. Опьянение бунтом и видимостью свободы закончилось для России горьким похмельем, анархией и распадом страны. Сербия же, опиравшаяся до этого на поддержку России, была вынуждена переориентироваться на Англию и Францию, поддерживавшие идеи либерализма и демократии. Вместо проекта объединения всех сербских земель в рамках православной монархии, было начато строение многонационального мультикультурного южнославянского проекта, стабильность которого так и не удалось обеспечить на всём протяжении его существования...

Список литературы

1. Бубликов А. А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк: б.и., 1918. 160 с.
2. Вишняков Я.В. «Сербская голгофа» глазами русских дипломата и генерала // Военно-исторический журнал. - 2016. № 4. С. 52-59.
3. Вишняков Я.В. Сербия в начале Первой мировой войны: 1914-1915 годы // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 53-65.
4. Вишняков Я.В. Сербия в русской армии в годы Первой мировой войны // Славяноведение. 2017. №3. С. 15-29.
5. Гражданская война в России: Черноморский флот, Сост. В. Доценко. М.: «Издательство АСТ», 2002. 544 с.
6. Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М.: Центрполиграф, 2007. 399 с.
7. Гуляров Е. Роковая ошибка Тимофея Кирпичникова // Родина. 2016. №11. С. 54—57
8. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л.: Наука, 1967. 362 с.
9. Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль-октябрь 1917 г.). М.: Наука, 1966. 400 с.
10. Каширин В. Б. Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. 2004, №6. С. 175-203.
11. Коленковский А. К. Дарданелльская операция. М.–Л.: Гиз, 1930.
12. Кувшинов В.А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль-октябрь 1917 г.). М.: Издательство Московского университета, 1982. 240 с.
13. Меннинг Б. У. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861-1914. М.: Модест Колеров, 2016. 423 с.
14. Миронов Б. Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2014. 336 с.
15. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: Новый Хронограф, 2010. 911 с.
16. Писарев Ю. А. Сербия на Голгофе и политика великих держав, 1916 г. М.: Наука, 1993. 203 с.
17. Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. 1905-1917 гг. М.: Наука, 1990. 381 с.
18. Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М.: Скрипторий, 1996. 263 с.
19. Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914-1917). М.: Изд-во Акад.наук СССР, 1960. 579 с.
20. Сидоров Н., Кондакова И. Очерки Е.И. Достовалова // ФЭБ. Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т.VI. 1995.
21. Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской Империи, 1906–1917: Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. 624 с.
22. Фирсов Е.Ф. Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2003.
23. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М.: Молодая гвардия, 1974. 240 с.
24. Ястребов Н. В. Великая Сербия, как разрешение южно-славянского вопроса в великой войне 1914-15 гг. // Вопросы Мировой войны: сборник статей. Петроград., 1915.
25. Ajrapetov O. R. Generali, liberali i preduzetnici: rad za front i za revoluciju (1907 -1917). Beograd: Udruženje za drushtvenu istoriju, 2005. 252 s.

26. Broadbent H. Gallipoli: The Fatal Shore. Camberwell, VIC: Penguin, 2005. 312 p.
27. Howard H. The Partition of Turkey: A Diplomatic History, 1913-1923. Norman, University of Oklahoma Press, 1931. 486 p.
28. Hrabak B. Srbija i februarska revolucija 1917. Godine // Zbornik radova Filozofskog fakulteta. Priština, 1978, №XIII, S. 7-58.
29. Janković D. Jugoslovensko pitanje i Krfska deklaracija 1917. Godine. Beograd: Savremena administracija, 1967. 517 s.
30. Katkov G. M. Russia 1917: The February Revolution. London: Longmans, 1967. 489 p.
31. Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja, povodom četrdesetogodišnjice osnivanja Jugoslavenskog odbora. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1956. 262 s.
32. Marjanović M. Londonski ugovor iz godine 1915. Prilog povijesti borbe za Jadran: 1914-1917. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1960. 469 s.
33. Mironov B. N. The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700—1917. New York: Routledge, 2012. 668 p.
34. Mitrović A. Srbija u prvom svetskom ratu. Beograd: Srpska knjizevna zadruga, 1984. 513 s.
35. Paulova M. Jugoslavenski odbor: povijest jugoslavenske emigracije za svjetskog rata od 1914-1918. Zagreb: Prosvjetna nakladna zadruga, 1925. 603 s.
36. Pavelić A. S., Meštrović I. Dr. Ante Trumbić: problemi hrvatsko-srpskih odnosa. München: Knjiznica Hrvtske revije, 1959.
37. Stanković Đ. Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije. Zaječar: Zaduzbina Nikola Pasić, 1995. 282 s.
38. Timofeev A., Živanović M. Carnegie Report on the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1912/13 in Serbia // Tokovi istorije. 2017. №1. S.43-70.
39. Timofejev A., Krečić D. Ruska vojna pomoć Srbiji za vreme Prvog svetskog rata. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2014. 352 s.
40. Trgovčević L. J. Naučnici Srbije i stvaranje jugoslovenske države: 1914-1920. Beograd: Narodna knjiga : Srpska knjizevna zadruga, 1986. 358 s.
41. Vendel H. Borba Jugoslovena za Slobodu i Jedinstvo. Beograd: Narodna Prosveta, 1925. 744 s.

Об авторе:

Алексей Юрьевич Тимофеев – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград), доцент кафедры новейшей истории Философского факультета Белградского университета. E-mail: al.timofev@gmail.com.

THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917 AND SERBIA

A.Yu. Timofeev
DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-16-40

Institute of World History, Russian Academy of Science

The paper considers the Serbian-Russian official relations on the eve and during the February Revolution of 1917 in Russia. The study is based on numerous archival sources and on the wide range of Russian and Serbian historiography. For the best understanding of changes of Russian foreign policy on the Balkans caused by the Provisional Government's coming to power the author investigates the Russian Empire plans of post-war reorganization of the western part of the Balkan Peninsula; the influence of other countries – allies of Russia in World War I is also analyzed. The Serbian official representatives noted the English influence on the coup in Russia though they did not provide any exact data about it. The official representatives of Serbia were not unanimous in their reactions towards the February revolution. The military took a cautious approach and noted the growth of negative

phenomena, their opinions were rather conservative. Diplomats were more liberal in their assessments, they criticized the fallen dynasty more strongly and showed greater optimism than the military. At the same time all of them were unanimous in the necessity to follow the path of full neutrality and non-interference in internal affairs of Russia. The author comes to the conclusion that despite the radical changes that the February revolution made in the post-war reconstruction of the Balkan Peninsula, Serbia could not have foreseen those changes beforehand. The exceptions were only some analytical works of the officers of the Serbian General Staff.

Key words: The February revolution of 1917, Serbian-Russian relations, Russian policy in the Balkans, the Black Sea straits, the Bosphorus and the Dardanelles, the First World War, the Entente, the history of diplomacy.

References

1. Bublikov A. A. *Russkaia revoliutsiia (ee nachalo, arest tsaria, perspektivy). Vpechatleniia i mysli ochevidtza i uchastnika* [Russian Revolution (its beginning, the arrest of the tsar, prospects). Impressions and thoughts of an eyewitness and participant.] New-York, 1918. 160 p. (In Russian).
2. Vishniakov Ia.V. ["The Serbian Golgotha" through the eyes of Russian diplomat and General]. *Voenno-istoricheskii zhurnal - Military Historical Journal*, no. 4, 2016, pp. 52-59. (In Russian).
3. Vishniakov Ia.V. [Serbia at the beginning of the First World War: 1914-1915]. *Novaia i noveishaia istoriia - Modern and Current History Journal*, no. 2, 2013, pp. 53-65. (In Russian).
4. Vishniakov Ia.V. [Serbs in the Russian army during of the First World War] *Slavianovedenie - Slavic Studies*, no. 3, 2017, pp. 15-29. (In Russian).
5. *Grazhdanskaia voina v Rossii: Chernomorskii flot* [Civil War in Russia: the Black Sea Fleet]. Ed. by V. Dotsenko. Moscow, AST Publishing House, 2002. 544 p. (In Russian).
6. Gurko V. I. *Voina i revoliutsiia v Rossii. Memuary komanduiushchego Zapadnym frontom. 1914—1917* [War and revolution in Russia. Memoirs of the Commander of the Western Front. 1914—1917]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2007. 399 p. (In Russian).
7. Gusliarov E. [The fatal mistake of Timofey Kirpichnikov]. *Rodina - Homeland*, no. 11, 2016, pp. 54—57 (In Russian).
8. Diakin V. S. *Russkaia burzhuaziia i tsarizm v gody pervoi mirovoi voiny (1914—1917)* [The Russian bourgeoisie and tsarism during the First World War (1914—1917)]. Leningrad, Nauka, 1967. 362 p. (In Russian).
9. Ignat'ev A. V. *Russko-angliiskie otnosheniia nakanune Oktiabr'skoi revoliutsii (fevral'-oktiabr' 1917 g.)* [The Russian-English relations on the eve of the October revolution (February-October, 1917)]. Moscow, Nauka, 1966. 400 p. (In Russian).
10. Kashirin V. B. [The unrealized expedition of the Russian Armed Forces to the Balkans in the autumn of 1915]. *Novaia i noveishaia istoriia - Modern and Current History Journal*, no. 6, 2004, pp. 175-203. (In Russian).
11. Kolenkovskii A. K. *Dardanell'skaia operatsiia* [The Dardanelles operation]. Moscow – Leningrad, GIZ (State Publishing House), 1930. (In Russian).
12. Kuvshinov V.A. *Razoblachenie partiei bol'shevikov ideologii i taktiki kadetov (fevral'-oktiabr' 1917 g.)* [The exposure of ideology and tactics of the Cadets by Bolsheviks Party (February-October 1917)]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1982. 240 p. (In Russian).
13. Menning B. U. *Pulia i shtyk. Armia Rossiiskoi imperii, 1861-1914* [Bullet and bayonet. Army of the Russian Empire, 1861-1914]. Moscow, Publishing House of Modest Kolerov, 2016. 423 p. (In Russian).
14. Mironov B. N. *Strasti po revoliutsii: Nravny v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii* [Debating the revolution: customs of Russian historiography in the Informa-

- tion Age]. Moscow, Ves' mir, 2014. 336 p. (In Russian).
15. Mironov B.N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII — nachalo XX veka* [Welfare of the population and revolutions in imperial Russia: from the eighteenth to the early twentieth centuries]. Moscow, Novyi Khronograf, 2010. 911 p. (In Russian).
 16. Pisarev Iu. A. *Serbiia na Golgofe i politika velikikh derzhav, 1916 g* [Golgotha of Serbia and the policy of the great powers in 1916]. Moscow, Nauka, 1993. 203 p. (In Russian).
 17. Polikarpov V. D. *Voennaia kontrrevoliutsiia v Rossii. 1905-1917 gg* [Military counterrevolution in Russia. 1905-1917]. Moscow, Nauka, 1990. 381 p. (In Russian).
 18. Senin A. S. *Aleksandr Ivanovich Guchkov* [Alexander Ivanovich Guchkov]. Moscow, Skriptorii, 1996. 263 p. (In Russian).
 19. Sidorov A. L. *Finansovoe polozhenie Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914-1917)* [Financial situation of Russia during the First World War (1914-1917)]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publishing House, 1960. 579 p. (In Russian).
 20. Sidorov N., Kondakova I. [E.I. Dostovalov's essays]. *FEB. Rossiiskii Arkhiv: Istoriiia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII—XX vv. - FEL. The Russian Archive: the national history in testimonies and documents, XVIII—XX centuries*, vol. VI, 1995. (In Russian).
 21. Smirnov A. F. *Gosudarstvennaia Duma Rossiiskoi Imperii, 1906–1917: Istoriko-pravovoi ocherk* [State Duma of the Russian Empire, 1906–1917: history and law essay]. Moscow, Kniga i biznes, 1998. 624 p. (In Russian).
 22. Firsov E.F. T. G. *Masarik v Rossii i bor'ba za nezavisimost' chekhov i slovakov* [T. G. Masaryk in Russia and the struggle for independence of Czechs and Slovaks]. Moscow, 2003. (In Russian).
 23. Iakovlev N. N. *1 avgusta 1914* [1 August, 1914]. Moscow, Molodaia gvardiia, 1974. 240 p. (In Russian).
 24. Iastrebov N. V. [The Great Serbia as the resolution of the South Slavs problem in the Great War of 1914-15]. *Voprosy Mirovoi voiny: sbornik statei - World War issues: a collection of articles*, Petrograd, 1915. (In Russian).
 25. Ajrapetov O. R. *Generali, liberali i preduzetnici: rad za front i za revoluciju (1907 -1917)* [Generals, liberals and businessmen: work for the front and for the revolution]. Beograd, Udruzenje za drushtvenu istoriju, 2005. 252 p. (In Serbian)
 26. Broadbent H. *Gallipoli: The Fatal Shore*. Camberwell, VIC: Penguin, 2005, 312 p.
 27. Howard H. *The Partition of Turkey: A Diplomatic History, 1913-1923*. Norman, University of Oklahoma Press, 1931. 486 p.
 28. Hrabak B. Serbia and the February revolution of 1917. *Zbornik radova Filozofskog fakulteta [Proc. of the Faculty of Philosophy]*. Priština, 1978, no. XIII, pp. 7-58. (In Serbian)
 29. Janković D. *Jugoslovensko pitanje i Krfska deklaracija 1917. Godine* [The Yugoslav Question and the Corfu Declaration of 1917] Beograd, Savremena administracija, 1967. 517 p. (In Serbian)
 30. Katkov G. M. *Russia 1917: The February Revolution*. London, Longmans, 1967. 489 p.
 31. Mandić A. *Fragments za historiju ujedinjenja, povodom četrdesetogodišnjice osnivanja Jugoslavenskog odbora* [Episodes of the history of integration, on the occasion of the anniversary of the creation of the Yugoslav Committee]. Zagreb, Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1956. 262 p. (In Serbian)
 32. Marjanović M. *Londonski ugovor iz godine 1915. Prilog povijesti borbe za Jadran: 1914-1917*. [The London Treaty of 1915. Contribution to the struggle for the Adriatic: 1914-1917]. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1960. 469 p. (In Serbian)
 33. Mironov B. N. *The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700—1917*. New York, Routledge, 2012. 668 p.
 34. Mitrović A. *Srbija u prvom svetskom ratu* [Serbia in the First World War]. Beograd, Srpska knjizevna zadruga, 1984. 513 p. (In Serbian)
 35. Paulova M. *Jugoslavenski odbor: povijest jugoslavenske emigracije za svjetskog rata od 1914-1918*. [The Yugoslav Committee:

- the history of the Yugoslav emigration in the World War of 1914-1918]. Zagreb, Prosvjetna nakladna zadruga, 1925. 603 p. (In Serbian)
36. Pavelić A. S., Meštrović I. Dr. *Ante Trumbić: problemi hrvatsko-srpskih odnosa* [Dr. Ante Trumbić: problems of Croatian-Serbian relations]. München, Knjiznica Hrvatske revije, 1959. (In Serbian)
 37. Stanković Đ. *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije* [Nikola Pašić, the Allies and the creation of Yugoslavia]. Zaječar, Zaduzbina Nikola Pašić, 1995. 282 p. (In Serbian)
 38. Timofeev A., Živanović M. Carnegie Report on the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1912/13 in Serbia. *Tokovi istorije - Currents of history*, no. 1, 2017, pp.43-70. (In Serbian)
 39. Timofejev A., Kremić D. *Ruska vojna pomoć Srbiji za vreme Prvog svetskog rata* [Russian military support to Serbia during the First World War]. Beograd, Institut za noviju istoriju Srbije, 2014. 352 p. (In Serbian)
 40. Trgovčević L. J. *Naučnici Srbije i stvaranje jugoslovenske države: 1914-1920* [Scientists of Serbia and the creation of the Yugoslav state: 1914-1920]. Beograd, Narodna knjiga : Srpska knjizevna zadruga, 1986. 358 p. (In Serbian)
 41. Vendel H. *Borba Jugoslovena za Slobodu i Jedinstvo* [Yugoslavs Fight for Freedom and Unity]. Beograd, Narodna Prosveta, 1925. 744 p. (In Serbian)

About the author:

Alexey Yu. Timofeev – Doctor of Historical sciences, the associate professor at the Institute for Contemporary History (Serbia, Belgrade). 11000, Trg Nikole Pašića 11, Belgrade, Serbia) and at the Department of Modern History of the Philosophy Faculty of the Belgrade University. 11000, 18-20 Čika Ljubina Street, Belgrade, Serbia. E-mail: al.timofev@gmail.com.